
ЗООМОРФНЫЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-ЗМЕИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

К.Н. Галай

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается образ женщины-змеи с различных ракурсов и у различных авторов. Традиционный образ часто встречается в мифологии различных народностей, а также в народных сказках. При этом женщина-змея несет в себе различные символы — от злой колдуньи до невинной жертвы. С точки зрения символики женщины-змеи в статье рассматриваются три произведения: С. Колридж «Кристабель», Э.Т. А. Гофман «Золотой горшок», Ги де Мопассан «Сумасшедший?». У всех авторов зооморфный образ женщины-змеи несет совершенно разный смысл и является отображением амбивалентной символики змеи как символа. У раннего романтика С. Колриджа этот образ является демоническим, у представителя позднего романтизма Э.Т. А. Гофмана женщина-змея отображает языческие представления о змее, реалист Ги де Мопассан использует житейские верования о змее.

Ключевые слова: зооморфный образ, женщина-змея, романтизм, реализм, оценочность, мифология, символ, христианство, язычество

В литературе зооморфные образы позволяют выделять специфические черты внешности персонажей, особенности их поведения, физические, интеллектуальные, нравственные качества, описывать эмоциональное состояние характеров, могут заключать определенную оценочность, описывать культурную специфику страны. Основная цель этих сравнений — это «приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, так как перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации» [1]. Такие сравнения возникают в результате творческого осмысления мира, они формируются на основе общечеловеческих или национальных представлений о животных. Некоторые ученые считают, что разным народам известны в основном одни и те же группы названий животных, выполняющих характеристическую функцию и ассоциация людей с животными является практически универсальной для всех языков [3].

Рассмотрим зооморфный образ женщины-змеи, который стал довольно традиционным в мировой литературе. Такой образ встречается еще в мифах разных народов. Например, древнегреческая полуженщина-полузмея Ехидна в аккадской мифологии была Тиамат, которая считалась прародительницей богов и имела в своем облике схожесть со змеей. Наги — в индуистской мифологии — полубожественное существо с туловищем змеи и несколькими человеческими головами. По некоторым мифам король должен проводить с ней ночи для процветания и благополучия страны. Мифология народов мира отличается вариативностью на тему женщины-змеи. Это могут быть змеи вместо волос у горгоны Медузы или змеи — постоянные атрибуты Гекаты.

Образ женщины, превращающейся в змею, достаточно распространен и в фольклоре. В сказках различных народов существует сходный сюжет. Например, русская сказка «Царевна-змея», японская сказка «Глаза змеи», армянская «Сказка про змею» и т.д. Интересно, что в мифах и сказках женщина-змея (а по сути оборотень) не несет в себе отрицательных коннотаций. Она либо проклята «вышшими силами» и теперь вынуждена быть оборотнем, либо такова ее природа, но направлена она не на зло или уничтожение, это скорее ее сущность, от которой она сама страдает.

Однако в христианской и иудейской традициях образ змеи окрашивается в негативный цвет. Змея (змей) выступает как дьявол или его посланник, соблазняющий Еву, в Каббале змея отождествляется с Лилит, которая, превратившись в змею, соблазнила Еву отведать запретный плод. Под влиянием христианства положительные черты змеи практически забылись, и змея стала восприниматься как существо дьявольское, связанное с ведьмами и колдунами, соответственно, образ женщины-змеи был демонизирован. Такая женщина пыталась соблазнить героя сказки или былины и заставить на себе жениться.

Если говорить о символе змеи, то нельзя не отметить ее многоплановость. С одной стороны, змея является фаллическим мужским символом, с другой — символом хитрости женщины. Змея может означать смерть, потому что является существом убивающим, но при этом змея периодически меняет кожу, а значит, может быть символом жизни и воскресения.

В период европейского романтизма к образу женщины-змеи подходили неоднозначно.

Например, английский романтик С. Кольридж в своем неоконченном произведении «Кристалль» описывает женщину-змею негативно. «Вводя Джеральдину в поэму “Кристалль”, Кольридж использовал романтическую иконографию кошмара, связав ее с темой демонического пристрастия к низшей материи» [7].

Женщина-змея Джеральдина является скорее демоном из библейской мифологии, нежели оборотнем, как в сказках или мифах. Например, она не может переступить порог дома Кристалль: «Должно быть, от боли, леди легла, / И вот Кристалль ее подняла / И на руках, — кто б думать мог, — Перенесла через порог» [4]. Демонический образ Джеральдины совмещается с образом вампира, который по легенде не может войти в дом без приглашения хозяина, или если кто-то из домочадцев не поможет ему зайти. О демонической (вампирической) сущности говорит и ее красота, не раз упоминаемая в поэме: «Юная дева прелестна на вид», «И, словно дама страны неземной, / Она была прекрасна собой», «И встретила даму неземной красоты» [4] и т.д. Согласно легендам, девушка-вампир никогда не стареет и прекрасна собой, чтобы она могла соблазнять мужчин и выпивать из них жизненную энергию, реже — кровь.

С. Кольридж показывает нам, как возрастает сила Джеральдины ночью. Она даже прогоняет дух матери Кристалль, ее ангела-хранителя: «Но сейчас же глухо вскричала она: “Прочь, скиталица-мать! Ты, здесь не нужна! / У меня есть власть сильнее твоей”». Более того, у нее есть силы, чтобы уничтожить волю Кристалль — загипнотизировать: «Кристалль, прикоснулась к тебе моя грудь, / Молчаливой, безвольной отныне будь!» [4]. Гипнозу поддается и барон Леолайн,

отец Кристабель, который очарован девушкой и не слышит предупреждений барда Бреси, не понимает его вещий сон. Смысл самого сна предельно ясен, но под влиянием Джеральдины Леолайн не способен верно истолковать его, «он механически перетасовывает фрагменты услышанного пророчества и тем самым искажает его суть» [7]. Здесь можно вспомнить весьма распространенную до сих пор легенду или поверье о том, что змея «гипнотизирует» свою добычу. Яркий пример мы видим в охоте Каа из произведения Р. Киплинга «Маугли».

В самом произведении С. Колриджа указание на змеиную сущность Джеральдины дается через вещий сон барда Бреси, в котором он недвусмысленно говорит о голубке Кристабель, которая находится во власти змеи: «Но я склонился, чтобы птицу взять, / Ради нашей леди, и в этот миг / Я увидел, что блестящая зеленая змея / Обвилась вокруг крыльев и шеи ее, / Яркой зеленью споря с травой, / К голове голубки прильнув головой. / Она шевелилась, вокруг птицы обвита, / Вздувая свою шею, как вздувала та» [4]. Бреси — человек искусства, он единственный, кто способен рассуждать и верно трактовать события, словно чары Джеральдины на него не действуют. Это вписывается в романтическую традицию изображения талантливых людей (поэтов, певцов, художников и т.д.), стоящих духовно выше обывателей. Сам С. Колридж писал, что «искусство можно было бы определить как посредника между мыслью и вещью или... как союз того, что есть природа, с тем, что есть исключительно человеческое. Оно — образный язык мысли и отличается от природы единством всех частей, объединенных в одну мысль или идею» [4].

По мнению некоторых критиков, «сон, рассказанный бардом Бреси, не только усиливает драматическое напряжение повествования — основная функция вещих снов в литературе разных эпох и культур — но и служит своеобразным эталоном адекватного восприятия действительности». Здесь уже прямо говорится о сущности Джеральдины и Кристабель.

Далее Джеральдина выдает себя только взглядом, искоса брошенным на Кристабель: «Лениво мигает змеиный глаз; / И глаза Джеральдины сузились вдруг; / Сузились вдруг до змеиных глаз» [4]. Кристабель, видя уже перед собой демоническую женщину-змею, не может, однако, открыто сказать об этом, потому что находится во власти злых чар. Более того, этот змеиный взгляд переходит к ней самой, она непроизвольно его повторяет.

У немецкого романтика Э.Т.А. Гофмана в произведении «Золотой горшок» также присутствует женщина-змея — Серпентина, — однако ее образ несет совершенно другой смысл в отличие от романтика С. Колриджа. Если Джеральдина представляет собой демонический образ из библейских легенд, то гофмановская Серпентина являет собой языческий образ женщины-змеи: она прекрасна, мудра и готова помогать главному герою.

В сказке Э.Т.А. Гофмана, золотисто-зеленая змейка Серпентина является носителем огненной силы, ведь ее отец — огненный Саламандр. Нельзя не вспомнить тот факт, что огонь — это символ очищения, обновления и рождения в новом воплощении. Вспоминается символ Феникса, который, умирая, сгорает и возрождается из пепла. Стремление Ансельма к Серпентине — это стремление, с

одной стороны, к очищению и душевной гармонии («Но я знаю, ты будешь моя, — и тогда исполнится все, что обещали мне дивные сны из другого, высшего мира» [2]), с другой — стремление к перерождению в новом мире, который Ансельм еще не знает, но подсознательно чувствует. Сны Ансельма — это иной мир, который открывается главному герою пока только в бессознательном состоянии (сон, забытьё), но он сможет уйти в этот мир Атлантиды с помощью мудрой и любящей женщины-змеи.

То, что Серпентина обладает мудростью, унаследованной от отца, не вызывает сомнений. Саламандра — своеобразный знак огня, символизирующий подвижность и непостоянство этой стихии. Есть легенды, рассказывающие о саламандре, которая живет в огне и дает мудрые советы, если правильно к ней обратиться. Таким образом, гофмановская женщина-змея — это существо, обладающее силой и мудростью, способная забрать главного героя в мир Абсолюта — в Атлантиду.

С первой же встречи Серпентина делится с Ансельмом своей силой, просто посмотрев ему в глаза, дает ему дар слышать природу и понимать ее, видеть то, что скрыто от глаз обывателя. Более того, она дает ему способность сильно и ярко чувствовать: «и неведомое доселе чувство высочайшего блаженства и глубочайшей скорби как бы силилось разорвать его грудь» [2]. Пройдя через испытания, как настоящий сказочный герой, Ансельм все-таки способен сбросить все мирское и обрести духовную силу. При браке с Серпентиной Ансельм как бы переходит на новый уровень, становится личностью высшего типа, поэтом и имеет право вернуться к природе — уйти в Атлантиду. Здесь женщина-змея Серпентина выступает в роли доброй спасительницы и помощницы, она несет гармонию и душевную силу, чего так не хватало Ансельму в его повседневной жизни. В самой сказке главный герой наказан и помещен в склянку именно за малодушие и сомнение, однако и после «предательства» Серпентина приходит на помощь и освобождает его. Таким образом, у Э.Т.А. Гофмана женщина-змея является скорее символом доброты и гуманности (здесь вспоминается прозаическое произведение Гёте «Сказки»). Спасение, которое несет она как муза поэзии, есть возвышенное преображение боязни исполнения желаний робкого, пасующего прежде всего перед женщинами молодого человека [6].

В период романтизма писатели часто обращались именно к символам и олицетворяли их в своих произведениях, как того требовала культура романтизма. Однако с приходом реализма критерии меняются. Зооморфный образ, деталь начинают обладать большей характерологической функцией. Рассмотрим зооморфный образ женщины-змеи в рассказе французского писателя-реалиста Ги де Мопассана, творчество которого нередко называют «вершиной реалистического искусства».

Часто Ги де Мопассан с целью подчеркнуть чувственное начало в своем герое говорит о его скрытой животной стороне. Например, в рассказе «Сумасшедший?» (1884), главный персонаж так описывает женщину, которая сводит его с ума: «Она женщина погибели, чувственное и лживое животное, у которого нет души, у которого никогда нет мысли...она человек-зверь...» [5]. Удержаться на обращении

к животному миру вообще без своеобразной зооиндивидуализации трудно, особенно для реалистов, которые стремятся к объективному изображению действительности, поэтому в повадках этой женщины он находит что-то от змеи: «Из ее судорожно трепетавших губ высовывался порою розовый, влажный кончик языка, дрожавший как жало змеи...» [5]. Интересно описание глаз этой искусительницы, они меняют свой цвет и тем самым напоминают мифическую змею: «В полдень они были серые, в сумерки — зеленоватые и на восходе солнца — голубые... В часы любви они были синие, изнемогающие, с расширенными зрачками» [5]. Напрашивается параллель с голубыми глазами Джеральдины и темно-синими глазами Серпентины, хотя мопассановская женщина-змея на первый взгляд ближе к демонической Джеральдине. Однако эта близость достаточно условна. Ги де Мопассан, как сторонник реалистического метода в литературе, применяет наиболее известный символ змеи как искусительницы, которая пленяет героя. Эта женщина-змея сводит рассказчика с ума, он любит и ненавидит ее одновременно, он ревнует ее даже к жеребцу, на котором она катается, и однажды стреляет в него как в соперника: «Я совершил безумный поступок, акт яростного безумия» [5]. Здесь нет многоплановости образа женщины-змеи, как это встречается у романтиков.

В финале упомянутый персонаж сравнивает свою даму сердца со зверем, напоминающим некое страшное мифологическое существо, стремящееся завладеть мужчиной. «Она овладела моей душой и телом, — говорит герой, — захватила меня, связала. Я был и остался ее вещью, ее игрушкой» [5]. Мужчина эмоционально сравнивает даму со змеей и далее еще как бы оправдывается, объясняет свое сравнение дамы с опасным существом, она «вероломна, похотлива, нечиста, порочна». Здесь нет романтического воплощения женщины-змеи как мифического существа, оборотня, как у Гофмана, или как демонического существа, как у Колриджа. Будучи «зеркалом», которое отображает внешний мир, реалист Мопассан скорее сравнивает свою героиню со змеей, придавая ей змеиные повадки и характеризую ее сущность.

Если говорить о зооморфных образах в творчестве писателей, то эти образы могут раскрывать как внешнюю характеристику персонажа, так и его внутреннее состояние. «Реалистическое описание» может быть снабжено авторским комментарием, раскрывающим связи портрета и характера, а может действовать сам по себе, что наиболее интересно. Но при этом автор ссылается на самые известные символы того или иного животного, чтобы наиболее точно дать читателю представление о своем герое. В этом реалисты сродни романтикам, которые также не комментируют свои зооморфные образы — в нашем случае образ женщины-змеи. Авторы как бы полагаются на читателя в выводах о персонаже, можно сказать, вызывают к его ассоциациям. Нельзя забывать, что соответствие черт персонажа чертам животного — вещь довольно условная и относительная, так как она зависит от принятых в данной культуре взглядов и убеждений.

Писатели-романтики, описывая своих героинь и наделяя их зооморфными чертами змей, опирались на символику змеи, которая, однако, носит амбивалентный характер и может трактоваться по-разному. Писатели-реалисты в этом описании более конкретны, они опираются только на известные символы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 52—65.
- [2] Гофман Э.Т.А. Золотой горшок. URL: <http://hobbitaniya.ru/hoffmann/hoffmann1.php> (дата обращения: 12.03.2015)
- [3] Гутман Е.А., Литвин Ф.А., Черемисина М.И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 147—165.
- [4] Колридж С. Кристабель. URL: <http://lib.ru/POEZIQ/KOLRIDZH/2.txt> (дата обращения: 12.03.2015)
- [5] Мопассан Ги де. Сумасшедший? URL: http://az.lib.ru/m/mopassan_g_d/text_08_sumashedshiy.shtml (дата обращения: 12.03.2015)
- [6] Сафрански Р. ЖЗЛ. Э.Т.А. Гофман. URL: <http://etagofman.narod.ru/kritika/safranski.html> (дата обращения: 12.03.2015)
- [7] Халтрин-Халтурина Е.В. Диптих Кольриджа «Кристабель» и милтоновские традиции // Известия РАН. Серия Литературы и языка. Том 67. 2008. № 6. С. 24—37.

ZOOMORPHIC IMAGES OF WOMEN SNAKE IN EUROPEAN LITERATURE

K.N. Galay

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article discusses the image of a woman-snake from different angles and different authors. The traditional image is often found in the mythology of various nationalities, and also in folk tales. When this woman-snake carries a variety of characters from the evil witch to an innocent victim. In terms of the symbolism of the snake woman in the article discusses three works: S. Coleridge “Christabel”, E.T.A. Hoffmann, “The Golden Pot”, and Guy de Maupassant “Crazy?”. All authors zoomorphic image of the woman-snake is quite different meanings and is a reflection of the ambivalent symbolism of the snake as a symbol. For the early romance S. Coleridge this image is demonic, E. T. A. Hoffmann representative of late romanticism, woman-snake displays pagan ideas about the serpent, realist Guy de Maupassant uses everyday’s beliefs about the serpent.

Key words: zoomorphic image, snake woman, romanticism, realism, appraisal, mythology, symbol, Christianity, Paganism

REFERENCES

- [1] Volf E.M. Metafora I ocenka [Metaphor and valuation] // *Metafora v yazike I texte [Metaphor in the language and in the text]*. Moscow: Nauka, 1988, pp. 52—65.
- [2] Gofmann E.T.A. Zolotoi gorchok [The Golden pot]. Available at: <http://hobbitaniya.ru/hoffmann/hoffmann1.php> (Accessed: 12.03.2015).
- [3] Gutman E.A., Litvin F.A., Cheremisina M.I. Sopostavitelnyi anliz zoomorfnih harakteristik (na material russkogo, angliskogo I francuzskogo yazikov) [Comparative analysis of the zoomorphic

- characteristics (in Russian, English and French languages)] // *Nacionalno-kulturnaya specifika rechevogo povedenia [National and cultural specificity of verbal behavior]*. Moscow: Nauka, 1977, pp. 147—165
- [4] Coleridge S. Kristabel [Christabel]. Available at: <http://lib.ru/POEZIQ/KOLRIDZH/2.txt> (Accessed: 12.03.2015).
- [5] Maupassan Guy de. Sunashedchyi? [Mad?] Available at: http://az.lib.ru/m/mopassan_g_d/text_08_sumashedshiy.shtml (Accessed: 12.03.2015).
- [6] Safranskiy R. Gezl E.T.A. Gofmann. Available at: <http://etagofofman.narod.ru/kritika/safranski.html> (Accessed: 12.03.2015).
- [7] Haltrin-Khalturina E.V. Diptrih Kolridga “Kristabel” I miltonovskie tradicii [S.T. Coleridge’s Diptich “Christabel” and Miltonic Traditions] // *Izvestia RAN. Seria Literaturi I yazika [Izvestiya RAN. A series of Literature and language.]*. V 67, № 6 (2008), pp. 24—37.